

УДК 913:314.7

ВНУТРЕННИЕ КОНТРАСТЫ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОБИЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ БЛИЖНЕГО СЕВЕРА (ЯРОСЛАВСКАЯ, КОСТРОМСКАЯ И ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТИ): ХРОНОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД

© 2024 г. А. В. Старикова*

Институт географии РАН, Москва, Россия

*e-mail: a.v.starikova@igras.ru

Поступила в редакцию 07.08.2024 г.

После доработки 26.08.2024 г.

Принята к публикации 12.09.2024 г.

Исследователи миграционных процессов в регионах России обычно акцентируют внимание на одном виде перемещений или на их крупных классах. В то же время миграционные потоки не существуют изолированно: они одновременно меняют численность населения территории, но вклад каждого потока – разный. Для одних районов важен отток или приток населения в ходе переселенческой миграции между городами и сельской местностью и между регионами, для других – приток или отток отходников на относительно длительный срок, для третьих – ежедневная трудовая маятниковая или рекреационная миграция и т.п. Мощностные потоки зависят от размеров населенных пунктов выхода и входа мигрантов, от состояния их экономики и социальной сферы, инфраструктурной обеспеченности и т.д. Цель статьи – предложить и апробировать методику сопоставления различных видов пространственной мобильности на внутрирегиональном уровне, определить вклад различных видов пространственной мобильности в формирование и сглаживание внутрирегиональных территориальных контрастов в уровне жизни и социально-экономическом развитии на примере трех областей Ближнего Севера России – Ярославской, Костромской и Вологодской, а также выявить присущие этим территориям особенности миграционных процессов. Действенным инструментом для достижения цели является расчет специального показателя плотности жизнедеятельности. Он позволяет сравнивать между собой потоки, данные о которых не сопоставимы в чистом виде. Расчет проведен в рамках хроногеографического подхода с учетом фактического количества человеко-часов в год, прожитого на территории постоянным и временным населением. Показано, что в Ярославской области контрасты связаны с центр-периферийными градиентами. Ярославль и Рыбинск организуют вокруг себя сельские территории, при этом важную роль играет близость к крупным дорогам и Москве. В Костромской области влияние областного центра ослабевает к периферии, а на северо-востоке проявляется природный фактор – в районе так называемого костромского ополья сохранилось более плотное сельское население. В Вологодской области территориальная организация пространства в большей степени подвержена влиянию возвратной мобильности, что проявляется в формировании масштабных зон повышенной плотности жизнедеятельности временного населения вокруг Вологды и Череповца.

Ключевые слова: хроногеография, миграция, переселение, возвратная мобильность, плотность жизнедеятельности, контрасты социально-экономического пространства

DOI: 10.31857/S2587556624050072 **EDN:** AOWFQN

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Географические работы по миграционной тематике в России и за рубежом отличаются широтой тематического и территориального охвата, но, как правило, исследователи акцентируют внимание на каком-либо одном виде перемещений или

на крупном тематическом классе миграций. Исследования, в которых проводится сопоставление друг с другом различных по происхождению миграционных потоков, нам практически не встречались. Одно из немногих исключений – фундаментальная статья Мартина Белла и Гэри Уорда, посвященная комплексному

изучению мобильности населения на территории Австралии через сравнение возвратной мобильности и переселенческой миграции (Bell and Ward, 2000).

Обзор современных российских исследований также показывает, что географы, демографы, социологи и др. фокусируются на подробном анализе одного вида миграций: внутрироссийских переселениях (Мкртчян, 2024), трудовой миграции (Мкртчян, Флоринская, 2018), отходничестве (Великий, 2010; Плюснин и др., 2013), сезонной и суточной (включая дачную) мобильности (Махрова, 2020; Махрова и др., 2022, 2024; Трейвиш, 2015) и т.д. Существуют публикации, которые характеризуются широтой охвата типов пространственной мобильности, но в рамках одного класса. Так, коллективная монография, подготовленная в Институте географии РАН (Между домом ..., 2016), посвящена внутрироссийской возвратной мобильности, а ее появление связано с усилением роли такой мобильности – различных перемещений, совершаемых с трудовыми, учебными, рекреационно-туристическими, семейно-бытовыми целями. Значительно реже проводятся сравнения таких потоков, как, например, долговременная (переселенческая) миграция и трудовая (временная или маятниковая) [см. (Карачурина, 2013; Мкртчян, 2016)], и оценка их влияния на демографическое, экономическое и социальное состояние территорий.

Необходимость комплексного подхода к исследованию пространственной мобильности в российских регионах обусловлена не только чисто научным интересом. Большое значение здесь имеет практическая составляющая: сегодня федеральные, региональные и даже муниципальные власти чаще всего не знают, сколько людей в разное время живет на их территории, что провоцирует возникновение дополнительных финансовых, инфраструктурных и социальных проблем.

Прояснить существующую ситуацию для исследователей и практиков позволяет равное внимание ко всем видам перемещений, включая рекреационную и туристическую мобильность, учебные миграции и т.д. Миграционные потоки одновременно меняют и реальную численность населения в тот или иной период времени, и саму территорию, играют важную роль в усилении или нивелировании территориальных контрастов и служат своеобразным ответом населения на сложившуюся социально-экономическую ситуацию. Так, для одних районов

ключевым фактором служит отток или приток населения в ходе переселений между городами и сельской местностью и между регионами, для других – приток или отток отходников на относительно длительный срок, для третьих – ежедневная трудовая маятниковая миграция или приезд на лето дачников, но итоговая картина будет складываться из всех миграционных потоков. Их мощность зависит от размеров населенных пунктов выхода и входа мигрантов и состояния местных экономик. Подобная попытка сопоставления потоков на примере староосвоенных регионов Европейской России показала, что именно их сочетания и интенсивность являются одним из наиболее важных индикаторов возможностей развития городов и сельской местности (Нефедова, Старикова, 2020).

Цель данной статьи – предложить и апробировать методику сопоставления различных видов пространственной мобильности на внутрорегиональном уровне, определить воздействие возвратной мобильности и переселений на формирование и сглаживание внутрорегиональных территориальных контрастов в уровне жизни и социально-экономическом развитии на примере трех регионов-ключей – Ярославской, Костромской и Вологодской областей, которые можно отнести к Ближнему Северу России¹, а также выявить присущие этим территориям особенности миграционных процессов.

ДАННЫЕ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось в теоретических рамках хроногеографии. Ранее нами на примере территорий за рубежом (расчеты проводились на основе детальной статистики для немецкой федеральной земли Бавария) (Starikova, 2018) и в России (Нефедова, Старикова, 2020) было показано, что хроногеографические модели, в частности, расчет специального показателя плотности жизнедеятельности, могут быть эффективным методом для решения задач по сопоставлению масштабов миграционных потоков различного происхождения и оценке

¹ “Ближний Север” в данном случае включает ряд регионов Нечерноземья к северу от Московской области: от Псковской и Тверской до Вологодской и Кировской областей. Это территория, на которой исторически было развито лесное хозяйство наряду с не очень плотным сельскохозяйственным освоением (земледельческим и животноводческим), а в настоящее время страдающая от негативных последствий социально-экономического опустынивания – вымирания и миграционного оттока жителей, деградации ключевых видов экономической деятельности (Нефедова, 2024).

их роли в формировании единой миграционной картины на внутрорегиональном уровне.

Необходимость расчета связана в первую очередь с тем, что не все данные о пространственной мобильности населения сопоставимы в чистом виде, а значит, первоначально требуют приведения “к общему знаменателю”. Хроногеографический подход к анализу пространственно-временной локализации человеческой деятельности, включая миграции, базируется на сопоставлении разных миграционных показателей путем их пересчета в человеко-часы. В результате можно сравнивать миграционные потоки через количество времени, прожитого на территории постоянным населением и временным – туристами, маятниковыми трудовыми мигрантами и т.д., а также проводить классификацию территорий на основе присутствующей им комбинации миграционных потоков.

Для муниципальных районов и округов регионов-ключей были собраны базы данных статистических и расчетных показателей (табл. 1), опирающиеся на информацию Росстата, официальные сайты муниципальных образований и (для туристических потоков) различные интернет-ресурсы, а также на инвестиционные паспорта территорий и экспертные оценки.

Для получения показателя плотности жизнедеятельности (T) постоянного населения в человеко-часы был переведен миграционный баланс за 2022 г. с допущением, что каждый переселенец провел на территории половину года.

Для получения показателя плотности жизнедеятельности временного населения применялись более разнообразные и нестандартные данные, важное ограничение которых – отсутствие свежей статистической информации.

Число маятниковых мигрантов и отходников извлечено из данных о местонахождении работы по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. с допущением, что это число как минимум не уменьшилось. Для длительных трудовых миграций условно принято, что отходники проводят вне дома 240 дней в году. Отдельно, путем экспертных оценок, составлялись матрицы потоков маятниковых мигрантов между территориальными единицами внутри областей-ключей, при этом были приняты допущения: часть таких мигрантов на ближних маршрутах совершает поездки по маршруту дом–работа и обратно ежедневно, а на дальних маршрутах – в режиме 5 дней в месте работы, выходные – дома,

т.е. на работе первые проводят 247 дней по 10.4 ч, вторые – 219 дней по 24 ч.

Число дачников условно приравнено к числу освоенных земельных участков в некоммерческих объединениях граждан (по итогам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г.), умноженному на 2, при этом предполагается, что каждый дачник проводит на своем участке отпуск и все выходные в течение сезона, т.е. 61 день. Такой подход исключает “дальних дачников”, владеющих домами в деревнях, что весьма характерно для рассматриваемых областей. Их присутствие может быть существенным фактором при сильном истощении численности местного сельского населения в удаленных районах, но какие-либо надежные данные об их числе отсутствуют.

Информация о туристических потоках и среднем времени пребывания туристов и экскурсантов для Костромской и Вологодской областей собрана за 2022 г., для Ярославской – за 2014 г. Данные по учебной миграции удалось найти только для студентов вузов Ярославля и Рыбинска. Тем не менее, несмотря на информационные пробелы, полученные результаты существенно меняют представление о реальном наличном населении тех или иных территорий в разные периоды времени.

Плотность жизнедеятельности временного населения рассчитана по формуле:

$$T = \frac{M_1 + D_1 + D_2 + U - M_2 - O}{S},$$

где M_1 – время, проведенное на территории муниципального района или округа трудовыми маятниковыми мигрантами, D_1 – туристами, D_2 – дачниками, U – учащимися вузов; из этой суммы вычитаются человеко-часы, прожитые вне данной территории местными трудовыми маятниковыми мигрантами (M_2) и отходниками (O); S – общая площадь территории.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ПОСТОЯННОГО И ВРЕМЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ-КЛЮЧАХ

Ярославская область, примыкающая к Московской, лишь частично относится к макро-региону Ближнего Севера, для которого ключевым процессом остается демографическое опустынивание сельской местности (Потенциал ..., 2014). Переезд в Ярославскую область – цель многих переселенцев: мигрантам проще

Таблица 1. База данных показателей для расчета плотности жизнедеятельности муниципальных образований Костромской области (фрагмент)

Городские округа (ГО), муниципальные районы (МР) и муниципальные округа (МО)	Кострома ГО	Галич ГО	Шарья ГО	Костромской МР	Кологривский МО	...	Буйский МР	Судиславский МР	МР г. Нерехта и Нерехтский район	Волгореченск ГО	Буй ГО
	Площадь, км ²	144.5	16.5	44.3	2032.4	3533.4	...	3247.7	1528.2	1149.0	33.5
Переселения, 2022	Прибывшие, тыс. чел.	6.9	1.0	1.3	0.2	...	0.3	0.5	0.6	0.4	0.5
	Выбывшие, тыс. чел.	6.3	0.5	1.0	1.6	0.3	0.4	0.5	0.7	0.4	0.6
Возвратная мобильность	Т, тыс. чел.·ч/км ²	16.5	-1.3	-1.0	-0.7	...	-0.1	0.1	-0.4	-2.0	-15.3
		Отток, тыс. чел.	1.6	0.2	0.2	12.6	0.4	1.8	1.9	3.0	0.5
	Приток, тыс. чел.	17.1	1.5	2.1	3.8	н.д.	...	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
	Время на работе, тыс. ч (ежедневно)	4223.1	531.7	544.6	32238.4	1122.6	...	4616.1	4950.1	7665.3	1299.8

Таблица 1. Окончание

Маятниковые мигранты, 2010		Въехавшие (ежедневно)	44029.2	3953.4	5345.7	9861.6	н.д.	...	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	
		Въехавшие (5 через 2)	22979.2	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	...	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
Возратная мобильность		...	8449.9	985.0	1687.7	1497.6	184.3	...	4279.7	414.7	20770.6	2401.9	2678.4	...	...	...	...
		...	28068.2	1206.7	3620.0	3620.0	1101.7	1101.7	...	н.д.	1101.7	2151.0	1993.6	н.д.	...	...	...
Дачники, 2016, ч		...	н.д.	н.д.	н.д.	42330.1	н.д.	...	1733.4	н.д.	3733.2	н.д.	н.д.	...	...	...	...
		...	570.1	221.1	152.0	10.9	-0.1	...	-2.2	-2.8	-19.6	-51.0	-151.3	...	...	...	...

Примечание: знаком “...” показаны строки и столбцы, пропущенные в данном фрагменте Базы данных по Костромской области (подробнее о подготовке баз данных см. в разделе “Данные и методика исследований”).

Рассчитано по материалам Базы данных показателей муниципальных образований Росстата, Всероссийской переписи населения 2010 г., Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г., официальных сайтов и инвестиционных паспортов муниципальных образований, интернет-ресурсов (для туристических потоков), экспертным оценкам.

сначала закрепиться здесь и лишь затем искать возможности для переселения в Московский столичный регион, не пытаясь попасть в него напрямую из места своего проживания. Кроме того, Ярославская область – важный центр образовательной миграции для регионов Севера Европейской России (Кондакова, Старикова, 2018), а учеба вдали от дома часто предваряет переселение. Это способствовало тому, что области долгое время удавалось восполнять естественную убыль за счет миграционного обмена с другими регионами страны, но затем ситуация изменилась и в связи со старением населения сегодня компенсировать удастся около 15% потерь. Сформировавшиеся на этом фоне территориальные контрасты связаны в первую очередь с действием центр-периферийных градиентов.

Плотность постоянного населения повышена вокруг Ярославля и вдоль трассы, ведущей к нему от границ Московской области. Природные и культурно-исторические особенности территории в сочетании с близостью к Московской агломерации и достаточно высокой транспортной доступностью делают Ярославскую область привлекательной для активного освоения туристами и экскурсантами. В 2022 г. регион посетило около 7.7 млн чел. Важную роль для сельской местности и малых городов региона играют дачные миграции, особенно в городском округе Переславль-Залесский, вдоль трасс Москва–Ярославль–Рыбинск, Москва–Углич и вдоль рек. В летний сезон население территорий на юге области, на берегах Волги и ее притоков, в других живописных местах региона значительно увеличивается за счет приезжающих на отдых горожан (Sheludkov and Starikova, 2022).

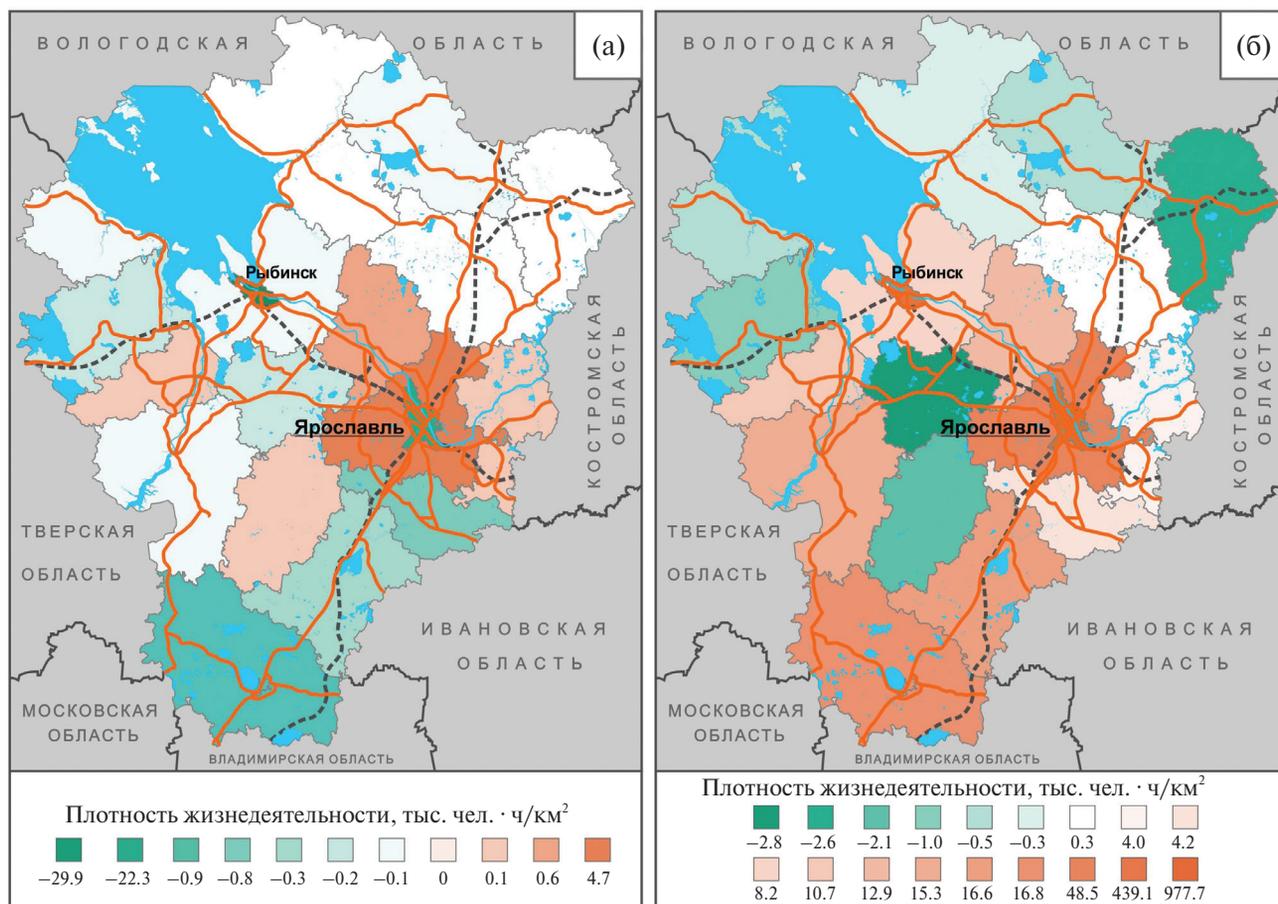
В Ярославской агломерации, как зоне основной социально-экономической активности, высокая плотность жизнедеятельности возникает в результате комбинации различных масштабных миграционных потоков. В качестве иллюстрации можно привести пример пригородного Ярославского района. Выгодное географическое положение и привлекательные условия для приобретения и аренды жилья сказываются на значениях сальдо всех переселенческих миграций (рис. 1а). Территория района характеризуется положительным миграционным балансом, что, вероятно, связано как с притоком новых жителей из региональной столицы (субурбанизации) и других районов области, так и с притоком межрегиональных

и международных мигрантов. Кроме того, плотность жизнедеятельности повышается (рис. 1б) благодаря трудовой маятниковой миграции на крупные промышленные и сельскохозяйственные предприятия, туристическим потокам и дачной мобильности.

По показателям миграции на постоянное место жительства помимо Ярославского выделяются Тутаевский и Некрасовский районы (они входят в Ярославскую агломерацию). Миграционный баланс для туристического Мышкинского и глубинного Борисоглебского районов ближе к нулевому, в первом случае некоторый приток связан с переездом в живописный малый город или сельскую местность отдельных энтузиастов, во втором – с запуском крупного животноводческого комплекса, который стал главным работодателем в районе и предлагает сотрудникам из соседних областей не только рабочие места, но и возможности для постоянного проживания рядом с работой.

Остальные малые города, сельская местность и особенно северные периферийные районы теряют жителей под влиянием негативных социально-экономических процессов и других факторов. В таких условиях положительную роль начинают играть возвратные виды мобильности. В Ярославской области присутствие временного населения смягчает последствия миграционного оттока и депопуляции в 7 из 20 территориальных образований региона. Это зоны вдоль главной транспортной артерии области – автодороги Москва–Ростов–Ярославль–Кострома, приближенные к Московскому столичному региону и расположенные вдоль Верхней Волги. Ощутимый вклад в суммарную жизнедеятельность здесь вносит активность многочисленных дачников и туристов. Также за счет временного населения выправляется ситуация в Рыбинске и Рыбинском районе (см. рис. 1б), что соответствует роли Рыбинска, как второго по значению организационного центра региона.

В малонаселенной и исторически менее промышленно развитой *Костромской области*, с разреженной сетью малых городов, чувствуется сильное влияние регионального центра – Костромы с пригородами, которое существенно ослабевает к периферии, а также соседнего Ярославля на фоне значительного снижения влияния Москвы. Здесь более явно проявляется воздействие на социально-экономическое развитие природного фактора. Малые города региона разделены обширными

Рис. 1. Ярославская область: вклад в плотность жизнедеятельности (тыс. чел. · ч/км²) переселенческой (а) и возвратной (б) мобильности, 2022 г.

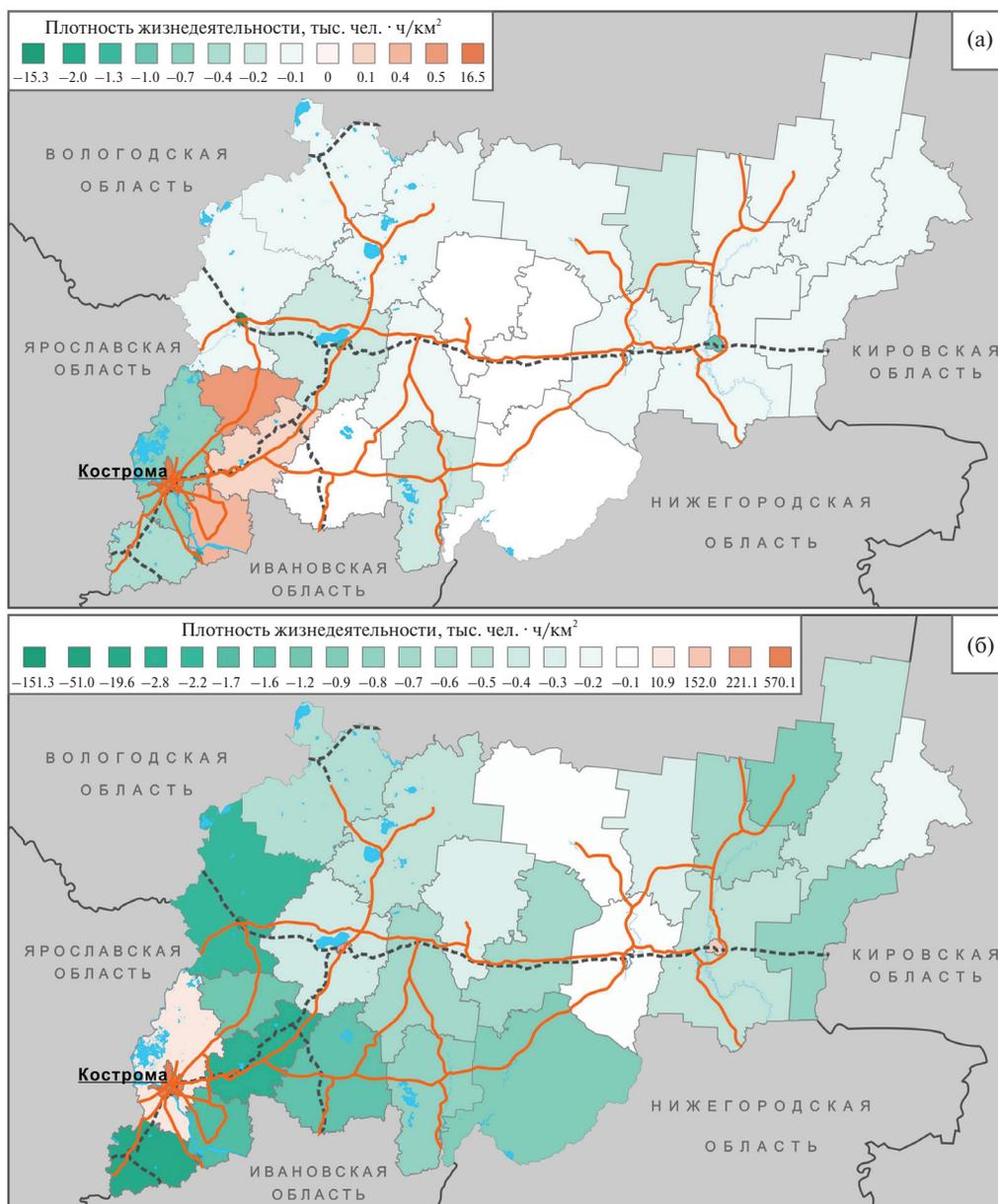
Рассчитано по материалам Базы данных показателей муниципальных образований Росстата, Всероссийской переписи населения 2010 г., Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г., официальных сайтов и инвестиционных паспортов муниципальных образований, интернет-ресурсов (для туристических потоков), экспертным оценкам.

лесными пространствами, а на северо-востоке, в районе так называемого костромского ополя с относительно благоприятными условиями для сельскохозяйственного освоения в досоветские и советские годы, сохранилось более плотное сельское население (Староосвоенные ..., 2021). Однако для большинства районов характерна быстрая естественная и миграционная убыль в последние 30 лет.

Как и в случае Ярославской области, в Костромской показатели плотности жизнедеятельности для переселенческой миграции повышены в столице региона — Костроме, а также на подступах к ней — в Красносельском, Судиславском и Сусанинском районах (рис. 2а). Но здесь миграционный прирост обеспечивает только приток международных мигрантов. Кострома с ближайшими пригородами (т.е. с Костромским районом) выделяется и по показателям плотности жизнедеятельности, рассчитанной по данным о возвратных видах мобильности (рис. 2б).

Ключевое отличие областей состоит в том, что здесь возвратные потоки оказываются не способны явно компенсировать последствия опустынивания, возникшего вследствие убыли населения, но в некоторых районах они существенно сглаживают негативную картину. Так, например, значима роль временного летнего населения в Макарьевском и Мантуровском районах вдоль р. Унжи, где в деревнях расположены дальние дачи горожан, в том числе москвичей, а на предприятиях трудятся не только местные жители, но и маятниковые мигранты.

Только городские округа Галич и Шарья — важные промышленные центры области — имеют положительные значения суммарной жизнедеятельности и ее высокую плотность (см. табл. 1), замыкая на себе маятниковые миграционные потоки из соседних районов, где рынок труда давно сжался и представлен лишь отдельными предприятиями деревообрабатывающей и пищевой промышленности, а также бюджетной сфе-

Рис. 2. Костромская область: вклад в плотность жизнедеятельности (тыс. чел. · ч/км²) переселенческой (а) и возвратной (б) мобильности, 2022 г.

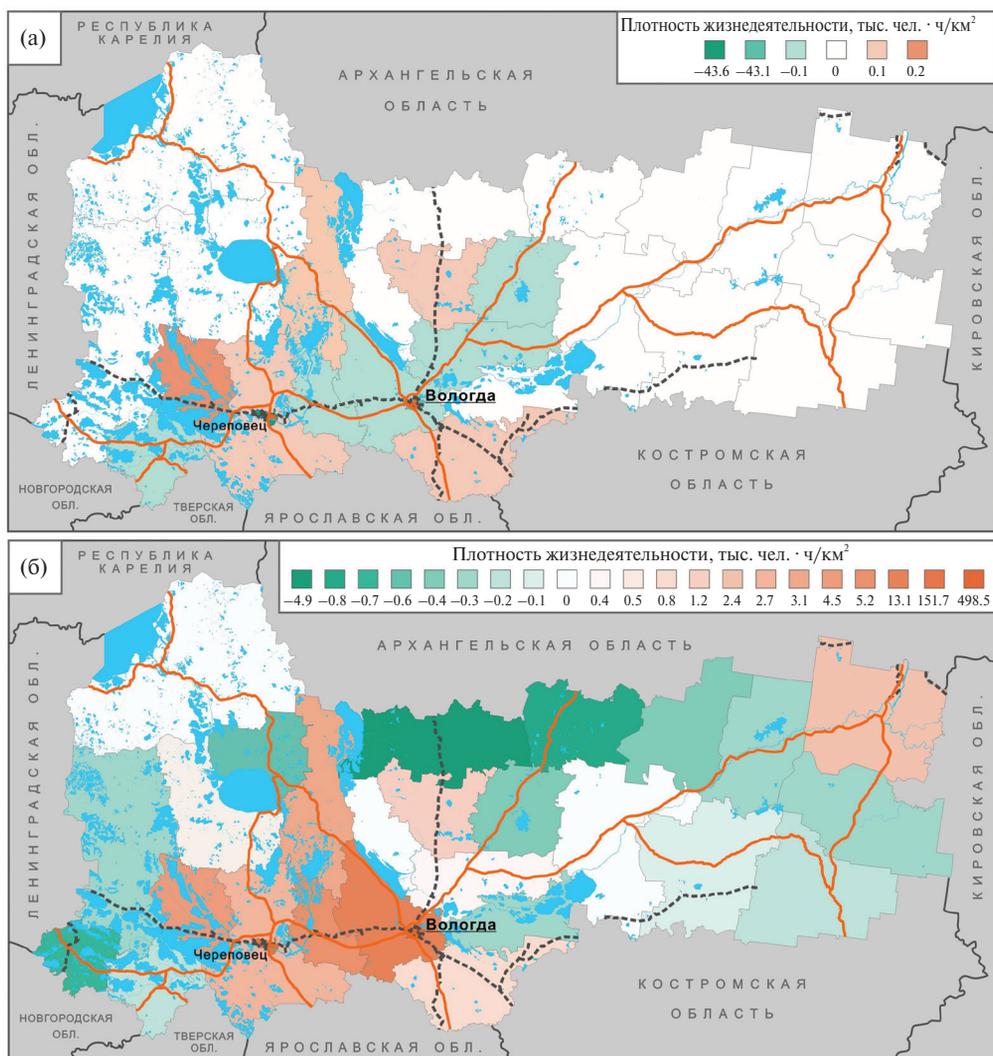
Рассчитано по материалам Базы данных показателей муниципальных образований Росстата, Всероссийской переписи населения 2010 г., Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г., официальных сайтов и инвестиционных паспортов муниципальных образований, интернет-ресурсов (для туристических потоков), экспертным оценкам.

рой. Например, для Шарьи сглаживание межрегиональной убыли происходит за счет компьютеров и отходовников (только на крупном производстве древесных плит здесь создано несколько сотен рабочих мест) и достигает колоссальных размеров — значение плотности жизнедеятельности по данным о возвратной мобильности превосходит по модулю тот же показатель для переселений в 150 раз.

Кроме того, в отличие от Ярославской области в Костромской пока недоиспользуется туристический потенциал. Приток туристов

вносит значимый вклад в плотность жизнедеятельности только на юго-западе области (в Костроме, приволжских Костромском, Нерехтском и Волгореченском районах), а также в Шарье.

Сопоставление показателей плотности жизнедеятельности по муниципальным округам *Вологодской области* (рис. 3) показывает, что для этого региона возвратные виды мобильности являются более сильным фактором территориальной организации пространства, чем переселения. Внутрирегиональные различия в

Рис. 3. Вологодская область: вклад в плотность жизнедеятельности (тыс. чел. · ч/км²) переселенческой (а) и возвратной (б) мобильности, 2022 г.

Рассчитано по материалам Базы данных показателей муниципальных образований Росстата, Всероссийской переписи населения 2010 г., Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г., официальных сайтов и инвестиционных паспортов муниципальных образований, интернет-ресурсов (для туристических потоков), экспертным оценкам.

плотности жизнедеятельности для временного населения оказываются более “рельефными” (см. рис. 3б). Крупнейшие города – столичная Вологда и промышленный Череповец – теряют население в ходе межрегионального миграционного обмена (хотя население своего региона они по-прежнему привлекают), но благодаря активности населения, находящегося на их территории временно, для этих городов отмечены наибольшие значения соответствующей плотности жизнедеятельности.

Диспропорции социально-экономического пространства связаны с переносом деятельности населения из мест постоянного проживания в места с повышенной экономической активностью или, в случае поездок с рекреационными целями, на территории с

богатым культурно-историческим наследием и природными аттракторами, а также в дачные пригородные зоны, где концентрируются садовые и дачные товарищества. В результате вокруг Вологды и Череповца проявляются масштабные зоны повышенной плотности жизнедеятельности, охватывающие Грязовецкий, Вологодский, Шекснинский, Череповецкий и Кадуйский районы, т.е. отчетливо выделяется территория Вологодской и Череповецкой городских агломераций. Происходит сильная дифференциация остальных округов, не заметная по данным о миграционном балансе. Для большинства периферийных территорий отток вследствие возвратной мобильности выражается в разной степени снижения плотности жизнедеятельности, но есть районы,

где, напротив, становится очевидна роль временного населения, чье присутствие за год выливается в значительную сумму человеко-часов и, соответственно, в повышенную на фоне соседей плотность жизнедеятельности. Так, в Великоустюгском муниципальном округе плотность жизнедеятельности для возвратной мобильности превышает по модулю плотность жизнедеятельности по данным о миграционном балансе в 60 раз: здесь в сглаживании последствий миграционного оттока центральное место занимают туристические потоки (при населении около 50 тыс. чел. в 2022 г. округ посетило 260 тыс. туристов и экскурсантов, основная цель которых – вотчина Деда Мороза в Великом Устюге).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хроногеография является универсальной теоретической рамкой, применение которой позволяет решать широкий спектр исследовательских задач (Старикова, 2014). Использование хроногеографических понятий для анализа миграционных процессов означает внедрение в исследование таких преимуществ хроногеографического подхода, как учет фактора времени, внимание не только к размещению, но и к деятельности населения, учет населения, постоянно и временно находящегося на территории, а также сравнение данных, которые несопоставимы в чистом виде. Эти преимущества особенно важны для анализа возвратных видов мобильности, зависящих не только от пространственных, но и (часто – в первую очередь) от временных факторов.

Для выбранных территориальных кейсов применение хроногеографической теоретической рамки позволило установить количественное соотношение между миграционными потоками, в которых участвуют переселенцы, маятниковые трудовые мигранты, отходники, туристы и дачники. Проведенные расчеты способствовали получению комплексного представления о пространственно-временной локализации жизнедеятельности населения на территории каждого из регионов-ключей и выявили вклад миграционных потоков в формирование внутрирегиональных контрастов в уровне жизни и социально-экономическом развитии.

В Ярославской области внутрирегиональные контрасты связаны с центр-периферийными градиентами. Ярославль и (в меньшей степени) Рыбинск организуют вокруг себя сельские

территории, при этом важную роль играет близость к крупным дорогам и Московскому столичному региону. В Ярославской агломерации высокие значения показателя плотности жизнедеятельности как для постоянного, так и для временного населения связаны с комбинацией разнообразных и мощных миграционных потоков. Для малых городов, сельской местности и периферийных районов на севере области свойственна сильная депопуляция, но ее последствия в ряде районов сглаживаются присутствием временного населения (в первую очередь многочисленных дачников и туристов).

В Костромской области, как и в Ярославской, в столице региона – Костроме и ее пригородной зоне повышена плотность жизнедеятельности по данным о миграционном балансе. Эта же территория выделяется по данным о возвратной мобильности. Ключевое отличие регионов заключается в неспособности возвратной пространственной мобильности оказать существенное компенсационное воздействие на последствия быстрой утраты населения, хотя в некоторых районах негативная картина отчасти сглаживается.

В Вологодской области территориальная организация пространства в большей степени подвержена влиянию возвратной мобильности, нежели переселенческой. В результате концентрации деятельности временного населения в местах с повышенной экономической активностью, привлекательных с точки зрения культурно-исторической или природной среды вокруг Вологды и Череповца проявляются масштабные зоны повышенной плотности жизнедеятельности. В отличие от Костромской области, на периферии возвратная мобильность чаще снижает плотность жизнедеятельности.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Работа выполнена по проекту РНФ № 24-17-00129 “Перспективы социально-экономического и природосберегающего развития Ближнего Севера России”, выполняемого в Институте географии РАН.

FUNDING

The study was funded by the Russian Science Foundation grant no. 24-17-00129 “Prospects of Socioeconomic and Nature-Conscious Development of the Near North of Russia,” carried out at the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Великий П.П.* Неотходничество, или лишние люди современной деревни // Социологические исследования. 2010. № 9 (317). С. 44–49.
- Карачурина Л.Б.* Внутрироссийская трудовая миграция: распространенность и география передвижений // Экономическое развитие России. 2013. № 7. С. 53–56.
- Кондакова Т.Ю., Старикова А.В.* Учебная миграция в вузы Ярославской области и Баварии (сравнительный анализ) // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т. 4 (14). Вып. 4. С. 197–207.
- Махрова А.Г.* Сезонное дачное расселение как индикатор контрастов пространственного развития // Региональные исследования. 2020. № 3 (69). С. 40–55.
- Махрова А.Г., Бабкин Р.А., Кириллов П.Л.* Пространственно-временные особенности маятниковых миграций в Московском регионе // Журн. Новой экономической ассоциации. 2024. № 2 (63). С. 249–256.
https://doi.org/10.31737/22212264_2024_2_249-256
- Махрова А.Г., Бабкин Р.А., Кириллов П.Л., Старикова А.В., Шелудков А.В.* Исследования и оценки масштабов возвратной мобильности и пульсаций населения в пространстве современной России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2022. № 3. С. 332–352.
<https://doi.org/10.31857/S2587556622030104>
- Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / под ред. Т.Г. Нефедовой, А.Г. Махровой, К.В. Аверкиевой. М.: Новый Хронограф, 2016. 504 с.
- Мкртчян Н.В.* Внутрироссийская трудовая миграция: масштабы и структурные характеристики / Науч. тр. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2016. С. 546–561.
- Мкртчян Н.В.* Пространственная картина центро-периферийных миграционных взаимодействий в России // Региональные исследования. 2024. № 1. С. 19–33.
- Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф.* Трудовая миграция в России: международный и внутренний аспекты // Журн. Новой экономической ассоциации. 2018. № 1. С. 186–193.
- Нефедова Т.Г.* Векторы и проблемы современного пространственного развития регионов Ближнего Севера Европейской части России // Балтийский регион. 2024. Т. 16. № 3. С. 42–61.
<https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-3-3>
- Нефедова Т.Г., Старикова А.В.* Миграции населения как способ адаптации к поляризации пространства в центре России // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 24–38.
- Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А.* Отходники. М.: Новый хронограф, 2013. 288 с.
- Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения / науч. ред. Н.Е. Покровского и Т.Г. Нефедовой. М.: Логос, 2014.
- Старикова А.В.* Пространственно-временной подход в социальной географии: зарубежный и отечественный опыт // Изв. РАН. Сер. геогр. 2014. № 6. С. 17–29.
- Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность / сост. и науч. ред. Т.Г. Нефедова, ред. А.В. Старикова. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021. 379 с.
- Трейвиш А.И.* Дачная мобильность, дачный менталитет и дачеведение // Демоскоп Weekly. № 655–656. 21 сентября – 4 октября 2015.
<http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0655/tema01.php> (дата обращения 21.11.2021).
- Bell M., Ward G.* Comparing temporary mobility with permanent migration // Tour. Geogr. 2000. Vol. 2. № 1. P. 87–107.
<https://doi.org/10.1080/146166800363466>
- Starikova A.V.* Population Mobility in Bavaria: Spatio-Temporal Features and Migration Flows in the Early 21st Century // EUROPA XXI. 2018. № 34. P. 59–78.
<https://doi.org/10.7163/Eu21.2018.34.4>
- Sheludkov A., Starikova A.* Night-time lights satellite imagery reveals hotspots of second home mobility in rural Russia (a case study of Yaroslavl oblast) // Reg. Sci. Policy and Practice. 2022. Vol. 2. № 4. P. 877–890.
<https://doi.org/10.1111/rsp3.12441>

Internal Contrasts of Population Mobility in the Regions of the Russian Near North (Yaroslavl, Kostroma, and Vologda Oblasts): A Time-Geographic Approach

A. V. Starikova*

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

*e-mail: a.v.starikova@igras.ru

Researchers of migration processes in the regions of Russia usually focus on one population mobility type or their large classes. At the same time, migration flows do not exist in isolation, they change the population of the territory simultaneously, but the contribution of each flow is different. For some areas, the outflow or inflow of population is important during resettlements between cities and rural areas and between regions, for others the inflow or outflow of seasonal workers for a relatively long period, daily labor commuting or recreational migration are important. The power of the flows depends on the size of the settlements of departure or arrival of migrants, on the state of their economy and social sphere, on the infrastructure development, etc. The aim of the article is to propose and test the methodology for

comparing population mobility types at the intraregional level, to determine the contribution of various types of population spatial mobility to the formation and smoothing of intraregional territorial contrasts in the living standards and socioeconomic development using the cases of three regions of the Near North of Russia—Yaroslavl, Kostroma and Vologda oblasts, and to determine the features of migration processes inherent in these territories. An effective tool for achieving this goal is the calculation of a special indicator of the population activity density. It allows us to compare migration flows whose data are not comparable in pure form. The calculation is carried out within the framework of the time-geographic approach, taking into account the actual number of man-hours per year lived by permanent and temporary population in the territory. It is shown that in Yaroslavl oblast the contrasts are associated with center-periphery gradients. Cities of Yaroslavl and Rybinsk organize rural areas around themselves, with the proximity to major roads and Moscow playing an important role. In Kostroma oblast the influence of the regional center weakens towards the periphery, and in the northeast, the natural factor is manifested, there denser rural population has been preserved. In Vologda oblast, the territorial organization of space is more influenced by temporary mobility, which is manifested in the formation of large zones of increased density of temporary population around cities of Vologda and Cherepovets.

Keywords: time geography, migration, resettlement, temporary mobility, population activity density, territorial contrasts

REFERENCES

- Bell M., Ward. G. Comparing temporary mobility with permanent migration. *Tour. Geogr.*, 2000, vol. 2, no. 1, pp. 87–107.
<https://doi.org/10.1080/146166800363466>
- Karachurina L.B. Intra-Russian labor migration: Prevalence and geography of movements. *Ekon. Razvitie Rossii*, 2013, no. 7, pp. 53–56. (In Russ.).
- Kondakova T.Yu., Starikova A.V. Educational migration to universities in the Yaroslavl region and Bavaria (comparative analysis). *Geopol. Ekogeodin. Reg.*, 2018, vol. 4, no. 4, pp. 197–207. (In Russ.).
- Makhrova A.G. Seasonal dacha settlement pattern as an indicator of spatial development contrasts. *Reg. Issled.*, 2020, no. 3, pp. 40–55. (In Russ.).
- Makhrova A.G., Babkin R.A., Kirillov P.L. Spatiotemporal commuting patterns in Moscow region. *Zh. Novoi Ekon. Assots.*, 2024, no. 2, pp. 249–256. (In Russ.).
https://doi.org/10.31737/22212264_2024_2_249-256
- Makhrova A.G., Babkin R.A., Kirillov P.L., Starikova A.V., Sheludkov A.V. Studying and estimating temporary mobility and population pulsations in space of modern Russia. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2022, no. 3, pp. 332–352. (In Russ.).
<https://doi.org/10.31857/S2587556622030104>
- Mezhdum domom i ... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya Rossii* [Between Home and ... Home. Return Spatial Mobility of the Russian Population]. Nefedova T.G., Makhrova A.G., Averkieva K.V., Eds. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2016. 504 p.
- Mkrtychyan N.V. Internal Russian labor migration: scale and structural characteristics. *Nauch. Tr.: Inst. Narodnokhoz. Progn. RAN*, 2016, pp. 546–561. (In Russ.).
- Mkrtychyan N.V. Spatial picture of center-periphery migration interactions in Russia. *Reg. Issled.*, 2024, no. 1, pp. 19–33. (In Russ.).
- Mkrtychyan N.V., Florinskaya Yu.F. Labor migration in Russia: International and domestic aspects. *Zh. Novoi Ekon. Assots.*, 2018, no. 1, pp. 186–193. (In Russ.).
- Nefedova T.G. Trajectories and problems of the current spatial development of Russia's European Near North regions. *Baltic Region*, 2024, vol. 16, no. 3, pp. 42–61.
<https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-3-3>
- Nefedova T.G., Starikova A.V. Migrations as a way of population adaptation to polarization of space at the center of Russia. *Sotsiol. Issled.*, 2020, no. 10, pp. 24–38. (In Russ.).
- Plyusnin Yu.M., Zausaeva Ya.D., Zhidkevich N.N., Pozanenko A.A. *Otkhodniki* [Outflow Workers]. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2013. 288 p.
- Potentsial Blizhnego Severa: ekonomika, ekologiya, sel'skie poseleniya* [Potential of the Near North: Economy, Ecology, Rural Settlements]. Pokrovskii N.E., Nefedova T.G., Eds. Moscow: Logos Publ., 2014.
- Sheludkov A., Starikova A. Night-time lights satellite imagery reveals hotspots of second home mobility in rural Russia (a case study of Yaroslavl oblast). *Reg. Sci. Policy Pract.*, 2022, vol. 2, no. 4, pp. 877–890.
<https://doi.org/10.1111/rsp3.12441>
- Starikova A.V. Space-time approach in social geography: foreign and Russian experience. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2014, no. 6, pp. 17–29. (In Russ.).
- Starikova A.V. Population mobility in Bavaria: Spatiotemporal features and migration flows in the early 21st century. *Europa XXI*, 2018, no. 34, pp. 59–78.
<https://doi.org/10.7163/Eu21.2018.34.4>
- Staroosvoennye raiony v prostranstve Rossii: istoriya i sovremennost'* [Old-Developed Regions in the Sociogeographic Space of Russia: History and Contemporaneity]. Nefedova T.G., Starikova A.V., Eds. Moscow: KMK Publ., 2021. 379 p.
- Treivish A.I. Dacha mobility, dacha mentality and dacha studies. *Demoskop Weekly*, 2015, no. 655–656. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0655/tema01.php> (accessed: 25.09.2024). (In Russ.).
- Velikii P.P. Neotkhodnichestvo, or the unnecessary people of today's village. *Sotsiol. Issled.*, 2010, no. 9, pp. 44–49. (In Russ.).